

УДК 94(470)

DOI: 10.25730/VSU.2070.24.034

ВООПИК в дискуссиях о 250-лети Перми как феномен советской публичной сферы*

Неплюев Петр Андреевич

преподаватель кафедры междисциплинарных исторических исследований,
Пермский государственный национальный исследовательский университет.

Научный сотрудник, Пермский краеведческий музей.

Россия, г. Пермь. ORCID: 0000-0001-9103-7834. E-mail: peter.neplyueff@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматривается празднование 250-летия г. Перми (1973 г.) как результат деятельности активистов Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры (ВООПИК) в публичном поле в предшествующий юбилею период.

В историографии сложилось представление о первом советском пермском юбилее как о результате спора местных краеведов и университетских историков в конце 1960 – начале 1970-х гг. Деятельность же массовых добровольных общественных организаций и положение в области охраны исторического наследия в этот период практически не рассматриваются. Между тем юбилейным событиям предшествовал ряд историко-культурных инициатив, многие из которых были запущены активистами Пермского отделения ВООПИК, созданного в 1966 г.: мониторинг памятников истории и культуры, проведение молодежных походов по местам революционной, боевой и трудовой славы, проектирование архитектурно-этнографического музея «Хохловка», создание Пермского ювелирно-гранильного завода. Отдельным сюжетом выступали сами дискуссии о дате основания города, в которых участвовали многие члены ВООПИК. Эти инициативы и дискуссии поднимали вопросы дореволюционной истории Прикамья, продвигали их в публичном поле, расширяя тем самым круг лиц, вовлеченных в проблематику локальной истории.

Опираясь на архивные материалы и другие источники о деятельности ВООПИК, в статье обоснован тезис о корректности применения концепции несовершенной публичной сферы к реалиям позднесоветских массовых добровольных организаций.

Сделан вывод о существовании в 1960–1970-е гг. в Перми несовершенной публичной сферы, внутри которой активисты ВООПИК, наряду с властными структурами, создавали историко-культурную повестку региона.

Ключевые слова: несовершенная публичная сфера, ВООПИК, Хохловка, пермский ювелирно-гранильный завод, 250 лет Перми.

Вступление. В 2023 г. город Пермь отпраздновал свое 300-летие. Юбилейная тематика звучала в научной среде на конференциях, форумах. Не был забыт и первый пермский 250-летний юбилей, отмечавшийся в 1973 г. Юбилей полувековой давности и окружавшие его дискуссии для пермских исследователей стали важной частью научного дискурса в преддверии 2023 г. [14; 15; 41]. Отдельное внимание уделялось пермским символам и их происхождению. Среди них особое внимание уделяется пермскому звериному стилю, который закрепился в пермском публичном поле на рубеже 1960–1970-х гг. [1]. В значительной части исследовательских статей внимание уделяется конкретным персоналиям, их взаимодействию с властью, тогда как изучение стоявших за ними общественных организаций и предшествующих историко-культурных инициатив практически не затрагивается.

В данной статье, с одной стороны, предпринимается попытка показать 250-летие Перми как результат деятельности пермских активистов Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры (далее ВООПИК, или Общество) по созданию локальной идентичности в публичном поле. С другой стороны, ставится вопрос о применимости концепции несовершенной публичной сферы, режимов публичности при изучении такого феномена позднесоветской действительности, как массовые добровольные организации (на примере ВООПИК).

Концепция несовершенной публичной сферы в контексте изучения добровольной массовой организации ВООПИК. Концепция публичной сферы была разработана Ю. Хабермасом в классическом труде «Структурные трансформации публичной сферы. Исследова-

ния относительно категории буржуазного общества». В нем Ю. Хабермас закладывает основу модели публичной сферы, внутри которой при участии общественности формируется мнение о важных политических и социальных вопросах [42, с. 2]. Однако мы не можем использовать классическую модель буржуазной публичной сферы применительно к позднесоветскому опыту. Такая сфера помимо прочего подразумевает наличие разнообразных позиций у участников, открытость публичной коммуникации, дебаты и обсуждения в качестве основания для принятия решений. В советской действительности публичная сфера ограничивалась цензурой, отличалась тем, что фактически граждане исключались из процесса принятия решений. Тем не менее составители сборника «Несовершенная публичная сфера» предложили применять к российским реалиям понятия «режим публичности» и «эффекты публичности», которые могут, по их мнению, совместить применимую к буржуазному обществу категорию «публичная сфера» и отечественный (в том числе и советский) опыт. Режимы публичности определяют границы и правила публичных высказываний, а также реакции на эти высказывания (от полемичного ответа до равнодушия или отсутствия реакции на высказывание) [18, с. 50].

К характеристикам режимов публичности относятся формальные и неформальные механизмы ограничения и предоставления доступа к публичной речи; неравенство значимости высказываний разных акторов в зависимости от положения; механизмы цензуры и сложившиеся конвенции, регулирующие публичные высказывания; практики публичной коммуникации; организации или институты, обеспечивающие сферу полемики и принятия решений; социально-экономические, юридические и политические основания для самостоятельности (зависимости) агентов, участвующих в публичной коммуникации, и прочие [18, с. 51].

Под эффектами публичности понимаются «механизмы влияния или воздействия одних акторов на других с помощью публичных высказываний» [18, с. 52]. «Публичные высказывания» в данном случае – это не только публичные речи заинтересованных активистов, но также печатные дискуссии, участие в общественных организациях, историко-культурные инициативы активистов, взаимодействие с властью.

На основе вышеуказанных характеристик авторы сборника выделяют четыре фазы состояния публичной сферы, которые могут использоваться применительно к отечественному опыту. При этом авторы сборника отмечают, что все четыре фазы накладываются друг на друга [18, с. 68–69].

Для рассматриваемого в статье периода больше характерен «режим публичной немоты», которому присуще снижение значимости публичных дебатов, глухота к чужой речи при наличии анклавов свободы высказывания.

В данном случае таким анклавом становится дискурс сохранения памятников и историко-культурного наследия. Его элементами можно назвать следующие публичные высказывания: газетные и журнальные статьи на исторические темы, научные монографии, открытые письма с критикой охраны памятников в СССР, дискуссии на заседаниях советов региональных отделений ВООПИК, лекции и прочие публичные высказывания и жесты. Эти элементы и будут рассматриваться в предлагаемой статье.

Деятельность пермского отделения ВООПИК во второй половине 1960-х – начале 1970-х гг. была выбрана в качестве объекта для исследования не случайно. В этот период Общество собрало вокруг себя наиболее ярких борцов за локальную пермскую идентичность, способствуя тем самым появлению механизма влияния на общество и власть в вопросах сохранения историко-культурного наследия, который был недоступен отдельным активистам. Изучение Общества с этой точки зрения, на примере конструирования 250-летия Перми и других инициатив, поможет понять роль общественных организаций в советской несовершенной публичной сфере.

До юбилея: феномен историко-культурного активизма в позднесоветский период. Пермский юбилей вошел в плеяду советских городских празднеств второй половины XX столетия. Начиная с первых послевоенных лет, с празднования 800-летия Москвы в 1947 г., в СССР рождаются практики всесоюзного празднования городского юбилея, создается «прецедент, которому в дальнейшем активно следовали и другие города» [41, с. 13]. Наибольшая плотность празднования советских городских юбилеев была достигнута в 1960–1980-е гг. Юбилеи, с одной стороны, воспринимались как способ подключения к более широким государственным ресурсам для завершения текущих долговременных проектов или для начала новых [41, с. 18–19]. С другой стороны – юбилеи создавали возможность укрепить свою локальную идентичность, показать уникальность городского проекта, его древность и важную

часть в общегосударственной истории. Для Перми юбилей был возможностью удревить свою историю и соперничать за статус региональной столицы Урала со Свердловском. Юбилей могли порождать дискуссии об идентичности региона, о сохранении местного историко-культурного наследия, либо сам юбилей оказывался следствием этих дискуссий. В этом отношении пермский случай борьбы за свою хронологию и идентичность не был уникальным.

На рубеже 1950–1960-х гг. дискуссии о локальной идентичности в СССР вспыхивают с новой силой. Они являются формой историко-культурного активизма и краеведения как его производной в публичном поле. Опорой для этой формы активизма послужили краеведческие традиции, которые начали складываться еще до революции, были особенно популярны в 1920–1930-е гг. и сохранялись в обществе, даже несмотря на полное подчинение и «огосударствление» краеведения к 1937 г. В 1950–1960-е гг. в прессе и научных статьях представителей советской культуры и науки регулярно ставятся вопросы охраны памятников национального исторического и культурного наследия [7; 16].

Указанные материалы часто носили критический характер и призывали власть к дискуссии о реформировании системы охраны памятников и историко-культурного наследия, возрождению идеи об уникальности советских городов и регионов. Эти процессы были связаны с ретроспективным поворотом в сознании советской интеллигенции, заинтересованной в сохранении своей культуры через сохранение национальной культуры. Продолжением этого тренда стало создание республиканских обществ охраны памятников. Первым обществом было создано в Грузии и Латвии (1959 г.), затем – в Азербайджане (1962 г.), Литве (1964 г.) и Туркмении (1965 г.). Очередь РСФСР, Украины, Белоруссии и Молдавии наступила одной из последних (в 1966 г. или позже) [4, с. 142–143].

Создание в 1965–1966 г. массового добровольного общества охраны памятников в РСФСР (ВООПИК) стало ключевым моментом для историко-культурного активизма в крупнейшей республике СССР. Вместе с центральными органами Общества на местах создавались региональные отделения. В 1966 г. появляется Пермское областное отделение ВООПИК, которое аккумулировало силы и чаяния местных активистов, представлявших влиятельные городские и областные организации.

Для власти Общество должно было решить болезненную проблему снижения актуальности исторической памяти о первых десятилетиях советской власти. К 1960-м гг. в СССР выросло молодое поколение, которое не видело Октябрьской революции, Гражданской и Великой Отечественной войн. Это находило отражение, в частности, в крайне неудовлетворительном состоянии памятников советской эпохи. Для государства создание ВООПИК стало частью более широкого вектора внутренней политики по трансляции опыта старших поколений последующим поколениям. Именно среди молодежи и проводилась активная пропаганда сохранения историко-культурного наследия через рекрутинг в ряды новой массовой общественной организации. Об этом свидетельствует тот факт, что в советский период больше половины членов Общества составляли дети от 14 до 18 лет [20, л. 71].

Однако, несмотря на официальный курс на сохранение советского историко-культурного наследия, в ряды Общества вступали активисты, краеведы, ученые, которые не ограничивали советскую историю 1917 г., а видели ее уходящей вглубь веков, в дореволюционное прошлое. Неслучайно одним из первых и самых масштабных проектов ВООПИК во второй половине 1960-х гг. становится туристический маршрут по памятным местам «Золотое кольцо», а мероприятия, посвященные маршруту, «становились легальной площадкой для обсуждения проектов возрождения национальной культуры» [4, с. 163].

Создание Общества и его местных отделений дало мощный толчок дискуссиям по вопросам, связанным с историко-культурным наследием. Организация получала широкую поддержку от власти, так как представители советских властных структур входили в его руководство. Бессменным лидером ВООПИК с 1966 по 1983 г. оставался В. И. Кочемасов, заместитель председателя Совета Министров РСФСР. Общество всегда тесно сотрудничало с Министерством культуры РСФСР, в его рядах состояли чиновники советских учреждений разного уровня [10, л. 55–56].

На региональном уровне посты председателей и членов Президиумов отделений ВООПИК часто занимали представители обкомов, горкомов, райкомов КПСС, ВЛКСМ, профсоюзов. Они могли способствовать продвижению инициатив ВООПИК, придавали Обществу необходимый вес, помогали собирать взносы, используя административный ресурс [22, л. 12]. Тем самым вопросы защиты историко-культурного наследия получали поддержку на многих

уровнях советской политической системы. Патронаж со стороны власти способствовал разветвлению дискуссий в прессе.

После возникновения пермского областного отделения ВООПИК во второй половине 1960-х гг. в публичном поле был выдвинут ряд крупных инициатив, направленных на конструирование локальной идентичности Перми и Пермской области. Само появление организованной структуры, вобравшей в себя историко-культурных активистов по всему РСФСР, может показать, что многие последующие процессы по созданию идентичности в регионах, в том числе и 250-летний юбилей Перми, – это не случайный «взрыв». Это продолжение тематики историко-культурного активизма, участия общественности в решении вопросов, которые долгое время оставались исключительно прерогативой государства.

Активизм по-пермски. Ключевые историко-культурные инициативы и дискуссии пермского отделения ВООПИК в конце 1960-х – начале 1970-х гг. Можно с уверенностью сказать, что Пермь и пермяки «жили и дышали» историей задолго до официального юбилея в 1973 г. Вопрос о дате основания Перми поднимался и в 1920-е гг., накануне потенциального 200-летия города, и в 1930-е гг. [5, с. 131–140]. В 1950-е гг. в местной прессе снова ставились вопросы о дате основания города, его истоках [13; 39]. Появление Пермского областного отделения ВООПИК активизировало историко-культурные инициативы в Пермской области, дало активистам из пермских организаций официальную опору.

В первые годы существования Пермского отделения Общества в состав его президиума входили краеведы, ученые, журналисты. Среди них директор Пермского краеведческого музея Л. Г. Дворсон; археолог, преподаватель Пермского государственного университета В. А. Оборин; архитектор А. С. Терехин, заведующая партийным архивом пермского обкома КПСС Н. А. Аликина; журналист и бывший главный редактор Пермского книжного издательства Б. Н. Назаровский и другие известные представители общественности. И хотя каждый из упомянутых деятелей многие годы занимался деятельностью по созданию локальной пермской идентичности, именно поддержка со стороны массового добровольного общества, в том числе финансовая, помогла реализовать многие из ранее существовавших проектов.

Первые годы существования пермского отделения (1966–1967 гг.) были периодом и организационного (набирались новые члены, создавались районные отделения и первичные организации на предприятиях, составлялись списки памятников, подлежащих охране, устанавливались связи с другими советскими организациями и учреждениями) [25, л. 21, 52, 54–58], и содержательного становления.

Первоначально основной упор делался на памятники и культурное наследие советского периода. Организовывались лектории по вопросам советской истории, приводились в порядок памятники героям Гражданской войны на Урале, проходили школьные походы по местам революционной, боевой и трудовой славы Урала (совместно с Всесоюзным походом по местам революционной, боевой и трудовой славы), организовывались народные музеи [26, л. 37]. Так как Пермская область не стала местом боев Великой Отечественной войны, но активно участвовала в событиях Гражданской войны, то именно памятники революции занимали особое место в локальных практиках коммеморации. Под эгидой общества издавались брошюры с маршрутами туристических походов по местам боев Гражданской войны [37]. Вместе с тем появление Общества активизировало вопросы сохранения дореволюционного наследия в публичном пространстве.

Параллельно с сюжетами советской истории пермское отделение ВООПИК разрабатывало другие проекты, направленные на конструирование локальной пермской идентичности. Знаковым проектом такого рода стало создание в Пермской области архитектурно-этнографического музея под открытым небом и гранильной мастерской (позже завода) для изготовления сувениров на основе местных ремесел. Оба проекта представляли собой пример взаимодействия государственных властей разного уровня и историко-культурных активистов, собравшихся под крылом ВООПИК. Вокруг этих проектов разрабатывались смыслы и сюжеты, которые пытались подчеркнуть историческую и культурную уникальность Перми и области.

История архитектурно-этнографического музея «Хохловка» начинается во второй половине 1960-х гг. В этот период создание подобных музеев считалось одним из ключевых направлений сохранения памятников русского деревянного зодчества, особенно в северных регионах РСФСР [21, л. 35–43; 32, л. 160]. В эти же годы при экспертной оценке и финансовой помощи ВООПИК проходило создание таких архитектурных музеев на территории Россий-

ской Федерации, как «Кижы» в Карелии и «Соловки» в Архангельской области. В Пермской области музей предлагалось разместить рядом с деревней Хохловка, неподалеку от Перми.

Одним из первых инициаторов, поднявших в публичном поле вопрос о необходимости создания пермского музея деревянного зодчества под открытым небом, был архитектор, преподаватель вуза и член Пермского областного президиума ВООПИК А. С. Терехин. В 1966 г. на Всесоюзной конференции «Памятники культуры Русского севера» он выступает с докладом «Проблемы создания заповедника деревянной архитектуры в Пермской области», обосновывая назревшую необходимость сохранения уникальной архитектуры Пермской области как части Русского севера [8]. После сюжет о создании музея под открытым небом не раз появляется в протоколах Президиума совета пермского отделения ВООПИК. Так, к 1968 г. совет определился с местом будущего музея в районе деревни Хохловка и готовил обращение в пермский облисполком о выделении 60–70 гектаров земли. Параллельно областным советом велись работы по отбору памятников деревянного зодчества, которые должны были составить основу нового музея [26, л. 64–65].

4 марта 1969 г. Пермский облисполком принимает решение о создании музея деревянного зодчества. Музей создается под эгидой Пермского краеведческого музея. На его создание в 1969 г. облисполком выделяет 12 тысяч рублей. По мнению активистов местного отделения Общества, этих средств было явно недостаточно для столь масштабного проекта. Об этом они пишут в письме в Центральный совет ВООПИК, прося дополнительного финансирования [28, л. 3–4]. Просьба находит положительный отклик, и Общество берет на себя значительную часть финансирования строительства музея. Первые памятники истории и культуры перевозились из отдаленных мест на территорию «Хохловки» и реставрировались на деньги Центрального совета ВООПИК: Богородицкая церковь, Соляная варница, крестьянские усадьбы [36, л. 8–9]. Каждый год Центральный совет выделял «Хохловке» около 50 тысяч рублей. К концу 1980-х гг. общий объем финансирования этого музея со стороны ВООПИК достигнет 1 миллиона рублей [38, л. 4].

Проект генерального плана музея был разработан членами областного совета ВООПИК, архитекторами Г. Л. Кацко, И. Г. Канторовичем и А. С. Терехиным. Строительство музея сопровождалось значительными задержками и проблемами. К открытию «Хохловка» подойдет только в 1980 г. Однако задолго до открытия музей использовался для проведения этнографических исследований ученых уральских университетов, для праздников, экскурсий. Само появление подобного музея пермского деревянного зодчества сыграло свою роль в конструировании локальной идентичности.

Параллельно со строительством Хохловского музея часть внимания местного отделения ВООПИК занимало создание пермской сувенирной мастерской. Этот вопрос стал частью более широкой, общесоюзной дискуссии о визуальном отражении региональных особенностей через сувенирную продукцию. Сувениры «должны [были] стать <...> полноценными произведениями декоративного искусства различных народов нашей страны и рассматривались как знаки самобытности регионов» [1, с. 96].

На рубеже 1960–1970-х гг., под крылом ВООПИК, было создано несколько производственных сувенирных заводов-мастерских в столичных и провинциальных регионах РСФСР. К их числу относились заводы «Русский сувенир» в Москве [11, л. 45–49], «Сибирский сувенир» в Иркутске [12, л. 149–150] и другие. Помимо заработка дополнительных средств перед ними ставилась задача популяризации регионального искусства и ремесел. Интерес к такому заводу на территории Пермской области проявляли как краеведы-активисты, так и местные власти, о чем не раз говорилось на заседаниях Президиума местного отделения Общества [26, л. 29–32]. В дальнейшем интерес к успешному функционированию пермской мастерской-завода проявлял и председатель Президиума Центрального совета ВООПИК В. И. Кочемасов [30, л. 28].

Вопрос о создании пермской мастерской по созданию сувениров был озвучен в областном совете ВООПИК в 1967 г. Ставился вопрос о создании камнерезной мастерской для работы по мрамору в Коми-Пермяцком округе [26, л. 17]. Для выбора места строительства будущей мастерской была создана комиссия из членов ВООПИК. Одним из предложенных ей мест для строительства назывался Соликамск, однако Б. Н. Назаровский, член комиссии, на одном из заседаний Президиума выступил резко против, аргументируя свою позицию тем, что, открыв завод в Соликамске, перевести его в Пермь уже не получится. К 1968 г. мастерскую было решено строить на окраинах Перми. В это же время был составлен перспективный план, и

пермское отделение Общества приняло решение о создании мастерской по образцу завода «Русские самоцветы» в Ленинграде, куда в командировку по обмену опытом был отправлен будущий директор пермского завода И. Э. Залкинд [26, л. 22–27].

Одновременно с поиском места для будущего завода члены областного совета ВООПИК решали вопрос о сувенирах и их названии. На одном из заседаний областного президиума было предложено и принято решение назвать сувениры не «пермскими», а «прикамскими» [26, л. 49–51], таким образом способствуя развитию того, что сегодня можно назвать емким словом «бренд». Само понятие «прикамский» не стало изобретением местного отделения Общества, т. к. понятие «Прикамье» уже использовалось во время празднования 50-летия Октябрьской революции в Перми в 1967 г. В частности, такое название получила новая гостиница, построенная к этому юбилею [41, с. 14]. Однако сам факт обсуждения того, стоит ли называть сувениры «прикамскими», говорит о том, что к 1968–1969 г. войти в широкий обиход слово «Прикамье» и его производные еще не успело.

В качестве продукции завода, предположительно с подачи Б. Н. Назаровского, предлагалось использовать сувениры с символикой пермского звериного стиля [27, л. 99–111]. Можно предположить, что тема пермского звериного стиля нашла отклик среди членов пермского областного отделения. Уже с конца 1960-х лекторы Общества включают ее в свою лекционную программу [28, л. 46]. Пермский звериный стиль, кроме публицистического обоснования в статьях Б. Н. Назаровского [17], получил научную оценку другого члена пермского ВООПИК, председателя секции археологии В. А. Оборина [19].

Открытие Пермского экспериментального ювелирно-гранильного завода состоялось в 1969 г. Завод расположился в Мотовилихинском районе Перми и в свои первые годы сосредоточился на выпуске продукции в стилистике звериного стиля. Чуть позже к нему добавился выпуск значков с пермской символикой [29, л. 69] к приближающемуся юбилею.

Упомянутые инициативы помогали развитию интереса к локальной истории в публичном поле. Близость же 1973 г., наряду с другой повседневной деятельностью ВООПИК по сохранению историко-культурного наследия, не могла не способствовать поднятию вопроса о дате происхождения Перми. Вокруг Пермского отделения ВООПИК собралось немало сторонников идеи об основании Перми в 1723 г. Стоит предположить, что они чувствовали «дружеское плечо» и в дальнейших дискуссиях не раз поддерживали друг друга в споре с университетскими историками во главе с Ф. С. Горовым.

Так как сам «спор историков» о дате основания Перми, его ключевые лица и основные события изучены в исследовательской литературе, то стоит лишь добавить несколько ремарок о роли ВООПИК в этом споре.

Симпатии значительной части членов местного отделения ВООПИК находились на стороне «партии 1723 года» и Б. Н. Назаровского. В своих воспоминаниях Н. А. Аликина пишет, что позицию Б. Н. Назаровского об основании Перми в 1723 г. среди прочих поддержали В. А. Оборин, А. С. Терехин [3, с. 207–208]. Председатель Пермского отделения Л. Г. Дворсон в 1969 г. направила в Институт истории СССР АН СССР запрос. Содержание запроса нам неизвестно, однако, судя по полученному ответу, Дворсон интересовал критерий установления времени возникновения городов [24, л. 27], что было особенно важно в споре о дате основания Перми. Примечательно, что ответ Института истории хранится в пермском партийном архиве в личном фонде Б. Н. Назаровского, что может указывать на единство целей Дворсон и Назаровского.

Кроме того, в плане работы секции пропаганды пермского отделения Общества на первый квартал 1969 г. стоит пункт «Постановка вопроса о праздновании 250-летия Перми 15 мая 1973 года» [33]. Примечательно, что сам Б. Н. Назаровский был заместителем секции пропаганды областного отделения Общества, а возглавлял секцию старший редактор газеты «Новости Прикамья» В. Аборкин. В 1968 г. он написал в газету «Молодая гвардия» статью «Год рождения: 1723!» [2], подписавшись «Член президиума областного совета ВООПИК». Среди других членов секции были представители пермских газет, журналов, радио и телевидения, которые могли обеспечить необходимый фон продвижению «партии 1723 года» [33, л. 170–171]. Часть из них, как Аборкин и Назаровский, писали статьи в местной прессе, призывая утвердить 1723 г. датой основания Перми [6]. Сложно предположить, что секция пропаганды выступала независимо от президиума областного совета.

Возможный ответ на вопрос, почему дискуссия состоялась именно на страницах «Молодой гвардии», печатного органа ВЛКСМ в Перми, в своей статье уже давал О. Л. Лейбович [14, с. 56–57]. Стоит лишь добавить, что Общество, заинтересованное в сохранении памяти среди

молодежи, всегда тесно сотрудничало с ВЛКСМ на всех уровнях, от Центрального Совета в Москве до региональных отделений, в которых всегда состоял представитель комсомола. Еще на этапе создания нового Общества в 1965–1966 гг. в его оргкомитет входил заведующий отделом агитации и пропаганды ВЛКСМ В. Н. Ганичев [9, л. 5, 5 об., 6, 6 об.], а позже в состав Президиума Центрального Совета вошел секретарь ЦК ВЛКСМ А. И. Камшалов [10, л. 55–56]. Сотрудничество с ВЛКСМ велось и через Всесоюзный поход, главным инициатором которого выступал комсомол. Отсюда появление дискуссии о дате основания Перми, которую в том числе вели члены ВООПИК, на страницах печатного издания комсомола вполне логично.

Безусловно, ключевую роль в победе «партии 1723 года» сыграл сам Б. Н. Назаровский. Но легко заметить, что за его спиной стояло и Пермское отделение Общества. Так, в одном из своих писем в ноябре 1971 г. Б. Н. Назаровский составляет проект будущей конференции «Город Пермь в прошлом, настоящем и будущем». Адресат письма неизвестен, однако по содержанию текста можно предположить, что оно было направлено в органы власти. В тексте письма содержатся подробные рекомендации о формате проведения празднеств, подготовке агитаторов, лозунгах к 250-летию Перми. В конце письма Назаровский отмечает, что основные тезисы будут опубликованы в отдельном сборнике. Сборник будет публиковаться в том числе за счет средств ВООПИК [23, л. 1–11]. Сложно предположить, что подобное предложение могло появиться без хоть какого-нибудь согласования с руководством Общества.

Упомянутая Б. Н. Назаровским конференция состоялась в ноябре 1972 г. И местные активисты, и профессиональные историки, и государственные власти полагали, что именно эта конференция закроет вопрос о дате основания города. Так, Б. Н. Назаровский планировал прочитать доклад «Возникновение города Перми и первые этапы его развития (Егошиха – Пермь в XVIII в.)» [23, л. 5], но не дожидаясь, умерев в марте 1972 г.

Не только активисты ВООПИК видели в будущей конференции место, где определится судьба пермского юбилея. О значимости конференции свидетельствует диалог между членом Пермского городского отделения ВООПИК, зав. отделом культуры Пермского горисполкома Л. А. Голубевой и председателем Президиума Пермского городского отделения Общества И. К. Четвериком, состоявшийся на одном из заседаний Общества в сентябре 1972 года:

«Голубева Л. А.: Вести подготовку к празднованию надо, но не официруя ее. <...>

Четверик И. К.: Почему нельзя вести официальную подготовку к 250-летию города? На запрос в Академию Наук получен ответ – датой возникновения г. Перми считать 1723 г.

Голубева Л. А.: Вопрос о праздновании определит научно-практическая конференция по теме «Прошлое, настоящее и будущее города Перми», которая запланирована на октябрь – ноябрь 1972 года» [34, с. 22–23].

Впрочем, дожидаться конференции не стали. 29 сентября бюро Пермского горкома КПСС приняло постановление о начале подготовки к 250-летию Перми. Конференция, которая прошла в ноябре с участием многих членов местных отделений ВООПИК, лишь зафиксировала датой основания Перми 1723 г. и объявила о подготовке к грядущему юбилею. В дальнейшем расширенные тезисы конференции были опубликованы в т. ч. и за счет Общества в виде сборника. Само издание вышло под грифом Пермского государственного университета, Пермского краеведческого музея и Пермского областного отделения ВООПИК.

В заключительной части сборника дается характеристика участия ВООПИК в 250-летнем юбилее. Упомянутый выше И. К. Четверик, описывая в сборнике материалы конференции участие ВООПИК, писал: «Через все мероприятия общества в 1973 г. красной нитью проходит тема 250-летия Перми. Члены общества знакомят широкие массы с историей города, его замечательными людьми – партийными деятелями, учеными, героями революций, Гражданской и Великой Отечественной войн, энтузиастами культуры и искусства, чьи усилия помогли создать нашу сегодняшнюю Пермь – город передовой промышленности, крупный центр культуры» [40, с. 280].

Можно предположить, что по устоявшейся советской традиции, юбилей должен был стать тем рывком, который был нужен ВООПИК для активизации его деятельности. Празднества привлекали внимание властей и горожан к историко-культурной тематике, чем областной совет Общества и собирался воспользоваться. Силами ВООПИК к 1973 г. разрабатывались новые лекции, проводились выставки [31, л. 15] и городские праздники, издавались плакаты и другая печатная продукция, собирались у населения средства на дальнейшую пропаганду, установку и защиту памятников историко-культурного наследия [35, л. 31–32]. Благодаря юбилею ВООПИК получил регулярный выход на пермское телевидение в цикле передач «Пермь-250: к юбилею города» [31, л. 4].

Кроме того, можно предположить, что 1723 г. как дата основания города для многих участников спора о дате основания Перми был предпочтительнее 1781 г. еще и потому, что Общество могло чаще поднимать исторические сюжеты в региональном публичном поле, привлечь в свои ряды новых членов. С этой точки зрения 250-летие Перми (1973 г.) было намного ближе 200-летию (1981 г.) и потому более выгодным для молодой массовой организации.

Для ВООПИК юбилей был вершиной «айсберга» разных форм активности по продвижению в публичном пространстве тем локальной специфики Пермской области. Празднествам 1973 г. предшествовали множественные инициативы и дискуссии в региональном публичном поле, которые подготовили почву для принятия первого советского юбилея Перми как среди властей, так и среди горожан. Для пермской общественности и активистов ВООПИК 250-летний юбилей в 1973 г. должен был стать кульминацией проектов предыдущих лет и обозначить Пермь как уникальную точку на карте СССР.

Заключение. 250-летие Перми и борьба за него были частью борьбы за «пермскость». Дискуссии о различных способах сохранения истории и культурного наследия пронизывали пермское публичное поле на рубеже 1960 – 1970-х гг., создавая свой «режим публичности». В его рамках мы видим, как в структурах Общества состояли представители советских властей разных уровней ВООПИК. Многие из них содействовали деятельности Общества, используя властный ресурс. Изучая публичное поле Перми этого периода, исследователи часто останавливаются на деятельности индивидуальных активистов, ученых, представителей интеллигенции, упуская роль общественных организаций, которые занимались охраной историко-культурного наследия, в первую очередь, речь идет о ВООПИК. Безусловно, многие члены Общества начинали свою деятельность по продвижению пермской идентичности до создания ВООПИК. Однако концентрация единомышленников внутри специализированного Общества, чувство «дружеского плеча», поддержка таких же активистов позволяла реализовывать многие ранее недоступные проекты, активнее участвовать в общественных дискуссиях.

Сформировавшееся в 1960-х гг. в СССР вокруг темы охраны памятников публичное поле обеспечило создание Общества охраны памятников, которое аккумулировало вокруг себя активистов с их проектами, предложениями, дав нужную публичную и финансовую поддержку. Таким образом, историко-культурные инициативы и дискуссии этого периода не были случайной цепью публикаций в журналах и газетах, но закономерной чередой событий в сформировавшемся общественном пространстве, наполненном публичными высказываниями в виде дискуссий на страницах местной прессы, внутри Президиума Пермского отделения ВООПИК, через официальные письма и запросы в государственные органы власти и учреждения. Так как в рядах ВООПИК на всех уровнях было немало представителей государственной власти, то многие их инициативы и запросы находили свой отклик, получали поддержку.

Именно такие «публичные высказывания» в рамках деятельности ВООПИК, а также их последствия и показывают влияние историко-культурных активистов на процесс принятия решений. На основании вышесказанного можно говорить о том, что в Перми накануне 250-летнего юбилея существовал свой режим публичности, который определял степень влияния публичных высказываний на конструирование пермской локальной идентичности. Роль в изучаемом режиме публичности играла не только власть и отдельные активисты, но и добровольные общественные организации, собирающие вокруг себя самых активных сторонников защиты местной историко-культурной специфичности.

Список литературы

1. Абашев В. В. Пермский звериный стиль как культурный проект // Слово. Текст. Контекст. 2023. № 4 (16). С. 94–105.
2. Аборкин В. Год рождения: 1723! // Молодая гвардия. 1968. 25 сентября.
3. Аликина Н. А. 40 лет тому назад // Смышляевский сборник: исследования и материалы по истории и культуре Перми. Вып. 5. Пермь, 2013. С. 207–212.
4. Болтунова Е. М., Егорова Г. С. Территория и история. Позднесоветские проекты «Города-герои» и «Золотое кольцо». М., 2022. 400 с.
5. Быстрых Т. И., Захарова Н. Ф. 1973 год: 250-летие со дня основания Перми. Хронология юбилея // Смышляевский сборник: исследования и материалы по истории и культуре Перми. Вып. 5. Пермь, 2013. С. 126–206.
6. Вершинин Т. Императрица или рабочие? // Молодая гвардия. 1968. 4, 6 октября.
7. Воронин Н. Н., Грабарь И. Э. и др. В защиту памятников прошлого // Литературная газета. 1956. № 100 (3601).

8. ГАПК (Государственный архив Пермского края). Ф. Р-1785. Оп. 1. Д. 4.
9. ГАРФ (Государственный архив Российской Федерации). Ф. А-639. Оп. 1. Д. 2.
10. ГАРФ. Ф. А-639. Оп. 1. Д. 16.
11. ГАРФ. Ф. А-639. Оп. 1. Д. 687.
12. ГАРФ. Ф. А-639. Оп. 1. Д. 717.
13. Козлов А. Сколько лет Перми? // Урал. 1959. № 10. С. 214–215.
14. Лейбович О. Л. «Безвестный тип в косоворотке...». Борис Назаровский и новая хронология Перми // Культурный код. 2023. № 3. С. 53–69.
15. Лейбович О. Л. Исторический проигрыш: Федор Горовой в дискуссии 1968–1972 годов о дате образования Перми // Технологос. 2022. № 4. С. 19–29.
16. Лихачев Д. С. Памятники культуры – народное достояние // История СССР. 1961. № 3. С. 3–12.
17. Назаровский Б. Н. Чудские древности // Молодая гвардия. 1965. 31 января.
18. Несовершенная публичная сфера: История режимов публичности в России / под ред. Т. Атнашева, Т. Вайзер, М. Велижева. М., 2021. 744 с.
19. Оборин В. А. Древнее искусство народов Прикамья. Пермский звериный стиль. Пермь, 1976. 192 с.
20. ОГАЧО (Объединенный государственный архив Челябинской области). Ф. П4. Оп. 1. Д. 46.
21. ОГАЧО. Ф. П4. Оп. 1. Д. 70.
22. ОГАЧО. Ф. П4. Оп. 1. Д. 72.
23. ПермГАСПИ (Пермский государственный архив социально-политической истории). Ф. 25. Оп. 1. Д. 178.
24. ПермГАСПИ. Ф. 25. Оп. 1. Д. 184.
25. ПермГАСПИ. Ф. 105. Оп. 287. Д. 84.
26. ПермГАСПИ. Ф. 3688. Оп. 1. Д. 25.
27. ПермГАСПИ. Ф. 3688. Оп. 1. Д. 40.
28. ПермГАСПИ. Ф. 3688. Оп. 1. Д. 46.
29. ПермГАСПИ. Ф. 3688. Оп. 1. Д. 71.
30. ПермГАСПИ. Ф. 3688. Оп. 1. Д. 86.
31. ПермГАСПИ. Ф. 3688. Оп. 1. Д. 116.
32. ПермГАСПИ. Ф. 3688. Оп. 1. Д. 213.
33. ПермГАСПИ. Ф. 3688. Оп. 1. Д. 214.
34. ПермГАСПИ. Ф. 3688. Оп. 1. Д. 234.
35. ПермГАСПИ. Ф. 3688. Оп. 1. Д. 239.
36. ПермГАСПИ. Ф. 3688. Оп. 1. Д. 299.
37. ПермГАСПИ. Ф. 3688. Оп. 1. Д. 404.
38. ПермГАСПИ. Ф. 3688. Оп. 1. Д. 514.
39. Степанов М. Н. Егошиха – первоначальное ядро города Перми-Молотова // На Западном Урале : сборник статей. Молотов, 1956. С. 42–53.
40. Четверик И. К. Пять лет работы отделения // 250 лет Перми : мат-лы научной конференции «Прошлое, настоящее и будущее Перми». Пермь, 1973. С. 277–280.
41. Янковская Г. А. Юбилей города и становление «периферийных столиц» в СССР // Известия УрФУ. Серия 2: Гуманитарные науки. 2023. Т. 25. № 4. С. 9–22.
42. Habermas J. The Structural Transformation of the Public Sphere: An Inquiry into a Category of Bourgeois Society. Massachusetts, 1991. 328 p.

All-Russian Society for the Protection of Historical and Cultural Monuments in discussions about the 250th anniversary of Perm as a phenomenon of the Soviet public sphere

Neplyuev Peter Andreevich

lecturer at the Department of Interdisciplinary Historical Studies, Perm State National Research University.

Researcher, Perm Museum of Local Lore. Russia, Perm. ORCID: 0000-0001-9103-7834.

E-mail: peter.neplyueff@yandex.ru

Abstract. The article considers the celebration of the 250th anniversary of Perm (1973) as a result of the activities of activists of the All-Russian Society for the Protection of Historical and Cultural Monuments (VOOPIK) in the public field in the period preceding the anniversary.

Historiography has developed an idea of the first Soviet Perm jubilee as a result of a dispute between local historians and university historians in the late 1960s and early 1970s. The activities of mass voluntary public organizations and the situation in the field of protection of historical heritage during this period are practi-

cally not considered. Meanwhile, the anniversary events were preceded by a number of historical and cultural initiatives, many of which were launched by activists of the Perm branch of the VOOPIC, established in 1966: monitoring historical and cultural monuments, conducting youth campaigns to places of revolutionary, military and labor glory, designing the architectural and ethnographic museum "Khokhlovka", the creation of the Perm Jewelry and Lapidary Plant. A separate storyline was the discussions themselves about the date of the founding of the city, in which many members of the VOOPIC participated. These initiatives and discussions raised issues of the pre-revolutionary history of the Kama region, promoted them in the public field, thereby expanding the circle of people involved in the problems of local history.

Based on archival materials and other sources about the activities of the VOOPIC, the article substantiates the thesis about the correctness of applying the concept of an imperfect public sphere to the realities of late Soviet mass voluntary organizations.

The conclusion is made about the existence of an imperfect public sphere in Perm in the 1960s and 1970s, within which activists of the VOOPIC, along with government structures, created the historical and cultural agenda of the region.

Keywords: imperfect public sphere, VOOPIC, Khokhlovka, Perm jewelry and granite factory, 250 years of Perm.

References

1. Abashev V. V. *Permskij zverinyj stil' kak kul'turnyj proekt* [Perm animal style as a cultural project] // *Slovo. Tekst. Kontekst* – Word. Text. Context. 2023. No. 4 (16). Pp. 94–105.
2. Aborkin V. *God rozhden'ya: 1723!* [Year of birth: 1723!] // *Molodaya gvardiya* – Young Guard. 1968. September 25th.
3. Alikina N. A. *40 let tomu nazad* [40 years ago] // *Smyshlyaevskij sbornik: issledovaniya i materialy po istorii i kul'ture Permi* – Smyshlyaevsky collection: research and materials on the history and culture of Perm. Is. 5. Perm, 2013. Pp. 207–212.
4. Boltunova E. M., Egorova G. S. *Territoriya i istoriya. Pozdnesovetskie proekty "Goroda-geroi" i "Zolotoe kol'co"* [Territory and history. Late Soviet projects "Hero Cities" and "Golden Ring"]. M. 2022. 400 p.
5. Bystryh T. I., Zaharova N. F. *1973 god: 250-letie so dnya osnovaniya Permi. Hronologiya yubileya* [1973: the 250th anniversary of the founding of Perm. Chronology of the anniversary] // *Smyshlyaevskij sbornik: issledovaniya i materialy po istorii i kul'ture Permi* – Smyshlyaevsky collection: research and materials on the history and culture of Perm. Is. 5. Perm, 2013. Pp. 126–206.
6. Vershinin T. *Imperatrica ili rabochie?* [The Empress or the workers?] // *Molodaya gvardiya* – The Young Guard. 1968. October 4th, 6th.
7. Voronin N. N., Grabar' I. E. and others. *V zashchitu pamyatnikov proshlogo* [In defense of the monuments of the past] // *Literaturnaya gazeta* – Literature newspaper. 1956. No. 100 (3601).
8. SAPR (State Archive of the Perm Region). F. P-1785. Inv. 1. File 4.
9. SARF (State Archive of the Russian Federation). F. A-639. Inv. 1. File 2.
10. SARF. F. A-639. Inv. 1. File 16.
11. SARF. F. A-639. Inv. 1. File 687.
12. SARF. F. A-639. Inv. 1. File 717.
13. Kozlov A. *Skol'ko let Permi?* [How old is Perm?] // *Ural* – Ural. 1959. No. 10. Pp. 214–215.
14. Lejbovich O. L. *"Bezvestnyj tip v kosovorotke..."*. Boris Nazarovskij i novaya hronologiya Permi ["An unknown type in a kosovorotka...". Boris Nazarovskij and the new chronology of Perm] // *Kul'turnyj kod* – Cultural code. 2023. No. 3. Pp. 53–69.
15. Lejbovich O. L. *Istoricheskij proigrysh: Fedor Gorovoj v diskussii 1968–1972 godov o date obrazovaniya Permi* [Historical loss: Fedor Gorovoj in the discussion of 1968–1972 on the date of formation of Perm] // *Tekhnologos* – Technologos. 2022. No. 4. Pp. 19–29.
16. Lihachev D. S. *Pamyatniki kul'tury – narodnoe dostoyanie* [Monuments of culture – national heritage] // *Istoriya SSSR* – History of the USSR. 1961. No. 3. Pp. 3–12.
17. Nazarovskij B. N. *Chudskie drevnosti* [Chudskiye antiquities] // *Molodaya gvardiya* – The Young Guard. 1965. January 31st.
18. *Nesovershennaya publichnaya sfera: Istoriya rezhimov publichnosti v Rossii* – Imperfect public sphere: The history of publicity regimes in Russia / ed. by T. Atnasheva, T. Weiser, M. Velizheva. M. 2021. 744 p.
19. Oborin V. A. *Drevnee iskusstvo narodov Prikam'ya. Permskij zverinyj stil'* [Ancient art of the peoples of the Kama region. Permian animal style]. Perm, 1976. 192 p.
20. USACHR (United State Archive of the Chelyabinsk region). F. P4. Inv. 1. File 46.
21. USACHR. F. P4. Inv. 1. File 70.
22. USACHR. F. P4. Inv. 1. File 72.
23. PermSASPH (Perm State Archive of Socio-political History). F. 25. Inv. 1. File 178.
24. PermSASPH. F. 25. Inv. 1. File 184.
25. PermSASPH. F. 105. Inv. 287. File 84.

26. PermSASPH. F. 3688. Inv. 1. File 25.
27. PermSASPH. F. 3688. Inv. 1. File 40.
28. PermSASPH. F. 3688. Inv. 1. File 46.
29. PermSASPH. F. 3688. Inv. 1. File 71.
30. PermSASPH. F. 3688. Inv. 1. File 86.
31. PermSASPH. F. 3688. Inv. 1. File 116.
32. PermSASPH. F. 3688. Inv. 1. File 213.
33. PermSASPH. F. 3688. Inv. 1. File 214.
34. PermSASPH. F. 3688. Inv. 1. File 234.
35. PermSASPH. F. 3688. Inv. 1. File 239.
36. PermSASPH. F. 3688. Inv. 1. File 299.
37. PermSASPH. F. 3688. Inv. 1. File 404.
38. PermSASPH. F. 3688. Inv. 1. File 514.
39. *Stepanov M. N. Egoshiha – pervonachal'noe yadro goroda Permi-Molotova* [Egoshikha – the original core of the city of Perm-Molotov] // *Na Zapadnom Urale : sbornik statej* – In the Western Urals : collection of articles. Molotov, 1956. Pp. 42–53.
40. *Chetverik I. K. Pyat' let raboty otdeleniya* [Five years of work of the department] // *250 let Permi : mat-ly nauchnoj konferencii "Proshloe, nastoyashchee i budushchee Permi"* – 250 years of Perm : materials of the scientific conference "The past, present and future of Perm". Perm, 1973. Pp. 277–280.
41. *Yankovskaya G. A. Yubilej goroda i stanovlenie "periferijnyh stolic" v SSSR* [The jubilee of the city and the formation of "peripheral capitals" in the USSR] // *Izvestiya UrFU. Seriya 2: Gumanitarnye nauki* – News of UrFU. Series 2: Humanities. 2023. Vol. 25. No. 4. Pp. 9–22.
42. *Habermas J. The Structural Transformation of the Public Sphere: An Inquiry into a Category of Bourgeois Society*. Massachusetts, 1991. 328 p.